

E. Ciconte. LA GRANDE MATANZA. STORIA DELLA GUERRA AL BRIGANTAGGIO. Bari — Roma: Editori Laterza, 2018, 277 p.

Э. Чиконте. ВЕЛИКАЯ БОЙНЯ. ИСТОРИЯ ВОЙНЫ С БАНДИТИЗМОМ. Bari — Рим, 2018, 277 с.

Книга итальянского историка Энцо Чиконте посвящена проблеме так называемого «бандитизма», явления, достаточно хорошо изученного в итальянской историографии, — существует большая литература, исследован значительный пласт источников. Отечественными историками данный вопрос если и рассматривался, то, к сожалению, только в общем плане, хотя заслуживает более пристального внимания. Не стоит забывать, что организованная преступность и в наши дни остается одной из глубинных проблем развития Итальянского Юга, да, пожалуй, и страны в целом.

К каким размышлениям приходишь по прочтении новой работы Чиконте? Отметим, что русский перевод итальянского термина «brigantaggio» — «бандитизм» не раскрывает полностью исторического контента данного явления, которое было характерно для Италии на длительный временной отрезке: от поры «старого порядка» практически до конца XIX в. «Бандит» (bandito), «разбойник» — (brigante) — за этими названиями скрывались не только бродяги, воров и убийцы, те, кто находились вне закона, но также нищие и обездоленные крестьяне, прежде всего Южной Италии. В историческом ключе термин «бандити» часто относился и к тем, кто разделял определенные политические идеи и проводил определенные акции, направленные против властей. Следовательно, так называемые «разбойничьи банды» объединяли самый разнообразный люд.

Важно отметить, что в XVI—XIX вв. явление бандитизма приняло огромные размеры прежде всего в Неаполитанском королевстве и Папском государстве, находившее отклик у сельского населения. Но не только. Феодалы также использовали «бандитские шайки» как наемную силу, наемных убийц, направляя их протестные настроения в своих интересах. Так, например, Папа Иннокентий IX в декабре 1591 г. обратился к массовой вербовке «людей вне закона» с целью послать их во Францию для войны против гугенотов, или же Папа Иннокентий XI в 1684 г., вербовавший «людей вне закона» для военных действий против турок в Венгрии и Австрии. Или, к примеру, в войсках кардинала Фабрицио Руффо, возглавившего борьбу за возвращение в Неаполитанское королевство

династии Бурбонов (1798—1799 гг.), сражались так называемые «бандиты».

В оценке явления «бандитизма» Чиконте в целом разделяет сложившуюся в итальянской историографии точку зрения: «бандитизм» всегда имел глубокие социальные корни, был порожден тяжелыми условиями существования большей части итальянского крестьянства. Движения за захват земли, за раздел латифундий, за насильственный передел домениальных земель, либо еще не разделенных, либо незаконно присвоенных, сотрясали Южную Италию на протяжении всего XIX в. В прошении, направленном Фердинанду II, судья Доменико Ривелли в октябре 1843 г. писал, что «народ ринулся захватывать земельные участки из-за непереносимой нищеты» и что «обширные равнины, которые могли бы стать для них единственной поддержкой, оказались, никто не знает как, в руках немногих собственников» (с. 105).

Однако подход Чиконте к исследованию явления «бандитизма», «разбойничества» ломает устоявшуюся традицию итальянской историографии. Известный итальянский историк и политический деятель Паскуале Виллари (1827—1917) писал, что «мы, итальянцы, чтобы победить бандитизм, пролили реки крови, но мало думали о радикальном лекарстве» (с. 8). Существовала ли альтернатива «кровавой бойне», развернувшейся прежде всего на Юге Апеннинского полуострова — один из вопросов, который стал лейтмотивом исследования Чиконте. Героями своей книги историк выбирает не «бандитов», а тех, кто с ними сражался, кто развязал террор против «бандитских шаек». Исследователь показывает нам, кто были эти люди, какие государственные должности занимали, каково было их социальное происхождение, были ли они преимущественно северянами или же среди них были и южане, и почему все-таки власти нового объединенного Итальянского государства принимали в парламенте решения о необходимости жестоких насильственных мер.

Чиконте детально исследует историю «бандитизма» со времен «старого порядка» по последние десятилетия XIX в. Различные формы бандитизма существовали на всей территории Италии, но особенно процветали на Юге. Память об отдельных «разбойниках» дожила до наших дней, как, например, об

Антонио Газбароне (Гасперони). Миф о том, что он грабил богатых и все раздавал бедным, жив до сих пор. Газбароне просидел в тюрьме 45 лет. Он был столь известен, что Стендаль, живший девять лет в Чивитавеккья — месте тюремного заключения Газбароне, — писал, «что из ста приезжающих сюда иностранцев, пятьдесят хотят увидеть знаменитого бандита Гасперони, и лишь четверо или пятеро господина Стендаля» (с. 89–90).

Акты насилия и жестокости были характерны и для «бандитов и разбойников», и для тех, кто боролся с ними. Но для Чиконте важно понять и исследовать насилие, организуемое властными структурами. Против «бандитов» применялись массовые расстрелы, причем часто безоружных людей, пытки, казни через повешение, глумление над трупами. Жестокости фантазий не было предела. Использовались репрессии против членов семей «бандитов», их родственников подолгу держали в тюрьмах. Чиконте приводит совершенно невероятный, с точки зрения законности, случай, когда жителя Мильерины арестовали лишь за то, что тот шил себе два пиджака, поскольку второй, возможно, шил не для себя, а для злоумышленника (с. 101).

Полковник Франческо Саверио дель Боско учинил жесточайшие репрессии в селеции Боско, где началось восстание в июле 1828 г., охватившее Чиленто. Он сравнял с землей, вынес 34 смертных приговора. Сам полковник сделал успешную карьеру, в 1831 г. стал министром полиции Королевства обеих Сицилий. Он участвовал в подавлении заговоров карбонариев и попыток восстаний в марте 1831 г. в Абруцци, Калабрии, Палермо, в августе 1832 г. в Ариано и др. В 1837 г. в связи с волнениями на Сицилии по его приказу были расстреляны более 90 человек.

Перед читателем раскрываются трагические судьбы офицеров, знатных и состоятельных людей, таких как генерал Пьетро Фумель, признававшийся в письмах к жене, что меры, применяемые к бандитам, «не очень законны и даже несколько варварские», однако обещал выплачивать премию всякому, кто убьет бандита (с. 15). Или же генерал Говоне, понимавший, что бандитизм «является социальной вендеттой», но абсолютно убежденный, что «Сицилия еще не перешла от варварства к цивилизации» и жестокие меры необходимы (там же).

Полковник Бернардино Милон, сицилиец по происхождению, ставший военным министром в правительстве Каироли, был убежден в том, что победить бандитизм в провинции Калабрия можно только террором (с. 16). Маркиз, генерал Лилио Паллавичини, генуэзец,

говорил о бессилии легальных средств для победы над бандитизмом, и что большие успехи в победе над бандитизмом в Мальфезе были достигнуты благодаря террору. Жестокие репрессии связаны и с именем депутата от Абруцци в Итальянском парламенте Джузеппе Пика.

Читая о страшных фактах «кровавой бойни», разворачивавшейся на полуострове на протяжении по сути всего XIX в., невольно задаешься вопросом: можно ли вслед за автором говорить, что Италия пережила гражданскую войну, долгую и кровавую. Предположение может показаться спорным, но фактологическая сторона исследования Чиконте находит тому веское подтверждение и выглядит вполне убедительной.

Наряду с террором применялись методы подкупа. Генерал Афанте Де Ривера, назначенный в Калабрию в конце 1856 г., заметил, что «бандитизм стал индустрией». Всегда для бандита существовала возможность договориться с властями, тогда «бандит» становился либо агентом, либо получал денежную компенсацию. Так поступали власти «старого порядка», так поступали французы, так поступали Бурбоны. Однако договоренность часто заканчивалась предательством, как было в случае с бандитом Газбароне, который лично сдался викарию города Сецце в надежде на амнистию. С «социальным бандитом» из Апулии Гаэтано Меномартини (он приказывал раздавать хлеб беднякам) Бурбоны сначала повели переговоры в Бари и в Капитанате, а потом предали его и убили.

Когда читаешь книгу, складывается стойкое убеждение, что акты жестокости были имманентны итальянской военной и политической культуре того времени: и «бандитам», и борющейся против них стороне, как на местном, и национальном уровнях. Жестокость усугублялась тем, что существовала устойчивая традиция как на политическом, так и бытовом уровнях в отношении Северной части полуострова к Южной: на Юге живут кровопийцы и дикари, воры и грабители, «бандиты» едят сердце и печень своих врагов и пьют кровь из человеческих черепов» (с. 134), что Юг еще не перешел от варварства к цивилизации, следовательно, насилие в отношении южан вполне оправданно. «Сельский люд обычно очень груб, неотесан. Это беднейший класс, но в то же время он заслуживает того нищенского положения, в котором оказался», — писал барон Витторио Давизо (с. 133). Карло Луиджи Фарини, министр внутренних дел в кабинете Кавура (1860 г.), королевский наместник в Неаполе (1861 г.) писал в декабре 1862 г.: «Какое варварство! Это не Италия!

Это Африка: бедуины по сравнению с этими мужланами — цветы гражданского общества» (с. 133).

Подобные рассуждения, убежден Чиконте, являлись составляющей культурной традиции элиты Северной Италии и европейской элиты в целом. Данная составляющая не исчезла, когда «разбойничество» как явление прекратило свое существование. Она стала, если так можно выразиться, «общим местом», в смягченном, видоизмененном виде дожила до наших дней. Заметим, что и в начале XXI в. отношение северян к южанам на бытовом уровне в определенной мере воспроизводит отголоски давней социокультурной традиции.

Бесспорно, важен вопрос о соотношении таких явлений, как бандитизм и мафия на Сицилии, каморра в Неаполе, ндрангета в Калабрии, с которыми Итальянское государство столкнулось с первых лет своего существования. Чиконте приводит факты, доказывающие, что жестокие насильственные меры, с которыми Итальянское государство боролось с «бандитизмом», не применялись в отношении криминальных структур Кампании, Сицилии и Калабрии, предпочитая своего рода «совместное проживание», «совместное сосуществование». Различные политические режимы, в исторической ретроспективе существовавшие на Апеннинском полуострове, всегда видели в явлении «бандитизма» угрозу общественному порядку, личности и собственности и прибегали к репрессивным мерам, похожим между собой «как две капли воды». Мафиози для государства и крупных собственников подобной угрозы не представляли.

Мафиозные структуры и «разбойники» действовали на разных территориях. Например, в Калабрии мафиозные объединения сформировались в провинции Реджо Калабрия, а «разбойники» промышляли в провинциях Катандзаро и Козенца. В Абруцци, Апулии и Базиликате действовали «разбойники», но не мафиози. В Кампании территориями «разбойников» считались провинции Салерно, Казерта и Беневенто, тогда как сердцем каморры был Неаполь. Там, где бушевали крестьянские волнения, действовали «разбойники», но никогда мафиозные структуры. Мафия, если так можно выразиться, существовала на другом театре военных действий, нежели «разбойники».

Эти весьма важные и интересные наблюдения Чиконте относительно толерантной позиции центральных властей объединенной Италии к мафиозным организациям помогают во многом объяснить феномен живучести

мафии в современной Италии, несмотря на удары, которые по ней были нанесены в 60–70-е годы прошлого века, и особенно в 1992–1993 гг. в рамках операции «Чистые руки». Устойчивая традиция взаимоотношений либерального государства и мафиозных структур в исторической ретроспективе — вопрос, который, на наш взгляд, требует серьезного и всестороннего исследования.

На Сицилии война с «бандитизмом» на последнем этапе его существования была связана с приездом в Палермо префекта Антонио Малюзарди, который в 1877 г. объявил, что «разбойники» на всей территории Сицилии побеждены. Для войны с разбойниками префект обязал земельных собственников формировать вооруженные отряды. Эти как бы «спущенные сверху», поддержанные властями отряды стали впоследствии ядрами мафиозных групп — «*cosche mafiose*» (сицилийский диалект. — *И. Э.*).

Несмотря на обозначенные различия между «бандитизмом» и мафией, в Италии существует убеждение о некой родственности данных явлений. В народном сознании укоренилось отношение к «разбойнику», как к мужественному человеку, выступавшему за справедливость, вынужденному скрываться от правосудия, чтобы сохранить свободу. С этих позиций мафиози удобно представлять наследником «разбойника».

Можно ли утвердительно ответить, принимая авторскую аргументацию, на главный вопрос исследования, что борьба с «бандитизмом», «разбойничеством» была своего рода гражданской войной, братоубийственной войной между северянами и южанами, одних южан против других, и одновременно классово войной между собственниками земли и безземельным крестьянством. Думается, что вопрос, было ли кровопролитие бесполезным или же необходимым в силу стоящих перед новым Итальянским государством задач, как и вопрос о правомерности применения к определенному периоду истории Италии термина «гражданской войны», остается открытыми. Чиконте убежден, что альтернатива «великой бойне» была, ее просто игнорировали. Тогда в чем же причина, что протестные голоса тех немногих, кто давал сбалансированную оценку событиям, выступая в итальянском парламенте, не были услышаны? Возможно, дальнейшие исследования помогут прояснить все еще существующие «темные» страницы в истории итальянского Рисорджименто.

И. Е. Эман,

кандидат исторических наук,
научный сотрудник ИНИОН РАН